Стремление - всегда вперед и всегда дальше есть удел личности и представление о такой общественной организации, которая видимым своим совершенством могла бы убаюкать это стремление - было бы вместе убеждением в возможности духовной смерти личности. Для анархиста подобное представление - невозможно. Постоянное, непрерывное, ни извне, ни изнутри не ограничиваемое устремление личности к самоосвобождению - есть основной постулат анархизма.

А.Боровой

Освобождение личности

****

О Г Л А В Л Е Н И Е

****

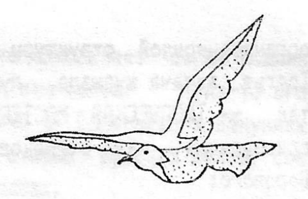
О С В О Б О Ж Д Е Н И Е Л И Ч Н О С Т И
#1, НОЯБРЬ 1991 ------------------------- МОСКВА
Редактор Михаил Цовма
Адрес редакции: 109462 Москва Волжский бульв. д.21,кв.62

****

Выпуск первого номера журнала стал возможен благодаря денежной ссуде, предоставленной М.Щербаковым,а также технической и иной помощи,оказанной информагентством рабочего движения КАС-КОР и редакцией газеты "СОЛИДАРНОСТЬ". Особенно теплых слов заслуживает настойчивость и моральная поддержка со стороны Влада Тупикина.

ДЛЯ ПОДПИСКИ НА ЖУРНАЛ ВЫ МОЖЕТЕ ПЕРЕЧИСЛИТЬ ДЕНЕЖНЫЙ ПЕРЕВОД В РАЗМЕРЕ НЕ МЕНЕЕ 5 РУБЛЕЙ ПО АДРЕСУ РЕДАКЦИИ. ОРИЕНТИРОВОЧНАЯ ЦЕНА 1 НОМЕРА ОКОЛО 3 РУБЛЕЙ. НА БЛАНКЕ ПЕРЕВОДА УКАЖИТЕ НАЗВАНИЕ ЖУРНАЛА.

Дорогой друг!

Ты держишь в руках первый номер "Освобождения личности" -- журнала анархистов и для анархистов. Мы надеемся, что наше издание не затеряется в море журналов и газет, пропагандирующих в народе идеи свободного развития личности и ненасилия. Свою задачу мы представляем несколько иначе, быть может -- чуть скромнее, но уверены, что без решения ее дальнейшее развитие анархического движения в стране будет весьма и весьма проблематичным. Попробуем в двух словах изложить те причины, которые побудили нас взяться за выпуск этого журнала.

Анархическое движение в СССР сейчас переживает период бурного развития -- то тут, то там появляются все новые и новые группы, растет и численность тех организаций, которые уже довольно прочно стоят на ногах. К сожалению и те и другие сталкиваются с одной и той же проблемой -- почти полностью отсутствует правдивая и полная информация об идеях анархизма, об истории движения и т.д. Согласитесь, что ситуация, когда анархист вынужден "процеживать" советские источники в поисках того немногого, что в них содержится, и на основе этого формировать свое мировоззрение -- не может считаться нормальной. Поэтому журнал "Освобождение личности" будет прежде всего играть ПРОСВЕТИТЕЛЬСКУЮ РОЛЬ.

Вторая задача, которую призван решать наш журнал, тесно связана не только с "голым теоретизированием", но имеет выход на чисто практическую сторону нашей общей деятельности. Анархическому движению жизненно необходим свой "внутренний орган", точно так же, как человеку необходимы сердце и печень. Ведь тех двух-трех дней в году, когда мы собираемся на съезды, явно недостаточно не только для того, чтобы детально обсудить встающие перед нами проблемы, но даже и для того, чтобы просто ознакомиться с различными позициями. Здесь, по всей видимости, лежат корни проблемы целостности и силы анархического движения. Невыясненность основных вопросов и слабая координация усилий приводят к тому, что наше движение не только не выступает пока как реальная сила, но еще очень далеко от этого. Поэтому роль ТРИБУНЫ ДЛЯ ДИСКУССИЙ, которую будет выполнять наш журнал, будет состоять не только в решении вопросов "о философском определении материи", но и в выработке конкретных решений и рекомендаций по вопросам практической деятельности,

организационной структуры и т.д.

Третья задача журнала, думает, неизбежно проявится в нашей работе. Определим ее так -- ТВОРЧЕСКАЯ МАСТЕРСКАЯ. Что мы подразумеваем под этим станет ясно из приведенных ниже отрывков из книги замечательного русского анархиста Алексея Борового:

"Современный анархизм все еще являет собой, по верному выражению Грава, -- "хаос идей".

И этот хаос питается не случайными разногласиями отдельных утверждений. В анархизме сливаются самые разнообразные, самые противоречивые и даже враждебные упования.

Какое возможно примирение между коммунизмом Кропоткина и мютюализмом Прудона? между Такером и Гравом? Мостом и Бруно Вилле? И разве не называют анархистами Штирнера и Ницше, Гюйо, Толстого?

(...) Когда-то в другом месте я писал:

Критическая работа, исполненная анархизмом, колоссальна. Он перевернул все точки отправления и официальных и непризнанных общественных философий. Впервые в ослепительно яркой картине развернул он мощь и богатство человеческой природы. Безграничное развитие человеческого духа, нестесняемое никакими внешними преградами и условиями, такова была социально-философская программа, которую начертал он на своем знамени. Но рядом с этой грандиозно поставленной задачей еще более бросается в глаза убогое нищенство тех средств, которыми пытался провести он свою программу в жизнь. (...)

Эта характеристика в ее общих основаниях и сейчас мне представляется правильной. И анархизм должен найти в себе мужество перед лицом своих друзей и своих врагов признать свои слабые и сильные стороны.

Анархизм -- мировоззрение, исполненное такой силы и жизни, которое устоит перед любой критикой, которому нечего страшиться. (...)

Сущность анархизма в вечном беспокойстве, вечном отрицании, вечном искании. Ибо в них -- свобода и правда. Успокоение -- есть смерть анархизма, возведение временного и относительного на степень абсолюта. (...)

Непримиримое отношение к закоченевшей догме, не знающая граней смелость творческого взлета и мудрое -- полное любви к свободе других -- самообладание в выборе средств -- таковы принципы, светящие моему анархизму".

Мы поставили задачи, которые считаем основными. Быть может ты, читатель, предложишь что-то еще. Мы будем рады сотрудничать со всеми, кому покажется интересным и ценным то, что мы делаем. Дай нам Бог, исполнить хотя бы часть того, что мы наобещали.

С ПОЧИНОМ!..

ПОЛ АВРИЧ
РУССКИЕ АНАРХИСТЫ

В этом номере мы публикуем отрывки из книги американского историка Пола Аврича — ведущего западного "анарховеда", крупнейшего специалиста по русскому анархизму.

Книга П.Аврича "Русские анархисты", вышедшая в Нью-Йорке в 1976 г., представляет собой первую полную историю анархизма в России. Большое место в книге занимает повествование о деятельности анархо-синдикалистов во время революций 1905 и 1917 гг. Этим и объясняется то, что в нашей публикации мы уделили внимание, в основном, предшественникам нынешней КАС. Для того, чтобы как можно более сжато и полно изложить содержание этой монографии мы разбили текст комментариями.

Несмотря на то, что Россия дала миру таких выдающихся мыслителей как Бакунин и Кропоткин, массовое анархическое движение появилось в России сравнительно поздно — лишь во время революций 1905-1907 гг. Существовавшие до того группы анархистов (в основном в эмиграции) были крайне немногочисленны. В 1903 г., одновременно с началом выхода кропоткинского журнала "Хлеб и Воля", в России начинают появляться первые группы анархистов — "Борьба", "Черное Знамя", "Безначалье" и др. (наибольшее распространение они получили на окраинах Российской Империи — в Белостоке, Варшаве, Вильне, Минске и других городах). Большинство новоявленных анархистов довольно своеобразно восприняли идеи основоположников анархизма и делали основной упор на террор. Для большинства "чернознаменцев" и "безначальцев" революция 1905-1907 гг. была кровавой оргией, пиком которой стал "безмотивный террор" (взрывы кафе Либмана в Одессе и отеля "Бристоль" в Варшаве). В это же время, однако, большое развитие получают идеи "хлебовольцев" и синдикалистов. Поэтому для начала два слова о том, что представляло собой синдикалистское движение на его родине — во Франции.

СИНДИКАЛИСТЫ

Доктрина революционного синдикализма в том виде, в каком она развивалась во Франции начиная с 90-х годов прошлого века, представляла собой причудливую смесь анархизма, марксизма и тред-юнионизма. От зачинателей анархистской традиции, Прудона и Бакунина, французские синдикалисты унаследовали непреодолимую ненависть к централизованному государству, жгучее недоверие к политикам и зачатки концепции рабочего контроля в промышленности. Уже начиная в 1860-1870 гг. последователи Прудона и Бакунина в I Интернационале предлагали создавать рабочие советы, призванные играть роль как орудия классовой борьбы против капиталистов, так и структурной единицы будущего либертарного общества. Идею эту впоследствии развивал Фернанд Пеллутье, молодой интеллектуал, с большой симпатией относившийся к анархизму, ставший видным деятелем французского

синдикалистского движения. В начале 1890-х гг. печально известная волна бомбометаний в Париже породила массовое разочарование в тактике терроризма и подтолкнула многих анархистов к вступлению в рабочие организации. Поэтому к концу века большинство профсоюзов, пропитавшись анархистскими идеями, стало враждебно смотреть на государство и пришла к отрицанию необходимости захвата политической власти — и революционными и парламентскими методами — как чуждой их подлинным интересам. Вместо этого они готовились к социальной революции, которая должна была разрушить капиталистическую систему и установить безгосударственное общество, где экономика будет управляться всеобщей конфедерацией профсоюзов. (...)

Всеобщая стачка рассматривалась как высшее проявление классовой борьбы, грозное орудие слома капиталистической системы. Рабочие союзы, кроме обычной борьбы за повышение уровня жизни, должны были стать двигателями социальной революции и одновременно — ячейками будущего безгосударственного общества. В этом случае не потребовалось бы ни вооруженного восстания, ни политического переворота. (...)

В новом обществе рабочие союзы должны были занять главенствующее положение, вытесняя рыночную экономику и государственный аппарат. Средства производства должны были, в конце концов, стать собственностью всех, в то время как в переходный период любая из форм собственности могла существовать. На практике различные отрасли промышленности управлялись бы соответствующими рабочими союзами. Всеобщая Конфедерация Труда должна была взять на себя ответственность за решение экономических вопросов на общенациональном уровне, в то же время обеспечивая решение общественных проблем и функционирование федеративной системы.

1905

Мария Корн (Гольдсмит) и К.Гогелия (Оргеиани), члены кропоткинской группы "Хлеб и Воля", были одними из первых сторонников синдикалистского учения среди русских анархистов. Находясь в эмиграции в Париже и Женеве, они почерпнули свои идеи в значительной степеееени из наблюдений за "французской моделью". В 1903 г. в первом номере журнала "Хлеб и Воля" они превозносили всеобщую стачку как мощное оружие в руках рабочего класса; в следующем номере приветствовались июльские волнения в Баку — первый в российской истории пример всеобщей забастовки. Во время наивысшего подъема революции в 1905 году журнал прямо высказывался в поддержку "революционного синдикализма". (...)

Д.И.Новомирский, до ареста в 1907 г. — ведущий синдикалист в России, просто стал рассматривать рабочее движение как центральную точку приложения усилий анархистов. Наблюдая за происходившими в синдикалистском движении из Одессы, он понял, что французская модель должна быть приспособлена к российским условиям. (...) Тем не

менее, собственная синдикалистская теория Новомирского была тесно связана с французским прототипом.

Сам термин "анархо-синдикализм" впервые был использован Новомирским. Называя себя анархо-синдикалистами члены его группы хотели показать, что, во-первых, они все анархисты (среди французских синдикалистов были представители и других левых течений), во-вторых, хотели подчеркнуть свое отличие от анархистов-коммунистов.

Между 1905 и 1907 гг. Южно-русская группа анархо-синдикалистов Новомирского привлекла на свою сторону значительное число рабочих в крупных городах Украины и Новороссии, а также интеллектуалов из социал-демократических, эсеровских и анархо-коммунистических групп. И хотя называемая Новомирским цифра -- 5000 сторонников -- сильно завышена, среди его последователей, кроме фабричных рабочих, были моряки и грузчики из портовых районов Одессы, а также булочники и портные Екатеринослава. (...) "Я убежден, -- сказал как-то И.Рощин -- что Бог, если он существует, должно быть, синдикалист, иначе Новомирский не пользовался бы таким большим успехом".

Чрезвычайно интересны воспоминания самого Новомирского об этом периоде (См. его статью "Анархическое движение в Одессе" в сборнике "Михаилу Бакунину 1876-1926. Очерки истории анархического движения в России" Москва "Голос Труда" 1926 г.).
И.С.Гроссман (псевд. Рощин) -- довольно видная фигура в русском анархистском движении, хотя его нельзя назвать выдающимся теоретиком. Первоначально, вместе со своим братом Абрамом Гроссманом, он стоял на позициях анти-синдикализма. Позднее стал сторонником "критического" синдикализма (близкого к позиции Кропоткина по отношению к синдикализму). В 1920-е годы -- один из лидеров "советских анархистов", сотрудничавших с большевиками. Позднее отошел от анархизма и заявил о своем переходе на марксистские позиции.

Кроме анархо-синдикалистов, сосредоточившихся в основном на юге, анархо-коммунисты "хлебовольской" школы также делали успехи в расцветающем русском рабочем движении. В Москве агитаторы-анархисты распространяли листовки на фабриках Замоскворечья и Пресни, на текстильных предприятиях близлежащих городов; анархистские кружки на таких крупных предприятиях, как текстильная фабрика Циндела и Электростанция, организовали несколько забастовок и демонстраций; группа "Свободная Коммуна", тесно связанная с движением Новомирского, несмотря на то, что была анархо-коммунистической, имела значительное число сторонников в профсоюзе металлистов, чуть меньше -- среди печатников. В апреле 1907 г. конференция анархо-коммунистических групп, проходившая на Урале, с большой симпатией отнеслась к позиции "хлебовольцев" и призвала к созданию "нелегальных межпартийных союзов" и в то же время -- к участию анархистов в уже существующих профсоюзах для того, чтобы противостоять развращающему влиянию "социалистов-

оппортунистов". Тем временем, тысячи русских эмигрантов в Северной Америке пополнили ряды анархо-синдикалистского Союза Русских Рабочих Соединенных Штатов и Канады.

На русских синдикалистов как на родине, так и за рубежом произвела большое впечатление тяга промышленных рабочих к самоорганизации. Подпольные рабочие союзы существовали в России уже на протяжении около 30 лет вопреки официальному запрету на них, а стачечные комитеты появились во время общей забастовки текстильщиков Петербурга в 1896 и 1897 гг. В 1903 г. правительство разрешило создавать советы старост на промышленных предприятиях, и хотя выборы старост находились под контролем предпринимателей, сам факт их существования был важной ступенью в развитии русских рабочих организаций. На деле же, многие советы стали подлинными представителями рабочих в бурном 1905 г. Революция также стала ареной создания рабочих комитетов на фабриках и в мастерских. Эти комитеты сыграли главную роль в формировании Советов рабочих депутатов сначала в Иваново-Вознесенске, а затем в Петербурге и других городах. Профсоюзы тоже сделали заметный прогресс в 1905 г. и были, в конце концов, легализованы в марте следующего года. Революционная атмосфера в России благоприятствовала духу радикализма в этих рабочих организациях, больше походивших на революционные синдикаты Франции и Италии, чем на реформистские тред-юнионы Англии и Германии. Но в 1905 г. русское рабочее движение было все еще слабым и недисциплинированным, раздиралось фракционностью и недоверием между работниками ручного труда и интеллектуалами. (...)

Синдикалисты восприняли Советы как разновидность бирж труда с привнесенными в них революцией функциями, отвечавшими российским условиям. Открытые для всех рабочих левых взглядов, безотносительно их "специфической" политической принадлежности, Советы должны были выполнять роль беспартийных рабочих комитетов, создаваемых снизу на районном и городском условиях с целью уничтожения старого режима. Эта синдикалистская концепция Советов как неполитических, неидеологических боевых организаций трудящихся классов была анафемой для русских социал-демократов. Противостоя ультра-экстремизму антисиндикалистов и опасаясь конкуренции со стороны просиндикалистов, социалисты стремились исключить обе группировки из Советов, профсоюзов и рабочих комитетов. В ноябре 1905 г., после того, как всеобщая стачка пошла на убыль, исполком Петросовета проголосовал за исключение анархистов из всех своих организаций. Эти действия усилили решимость синдикалистов создавать собственные анархические союзы в стороне от существующих институтов рабочего движения (в отличие от непартийных воззрений французских синдикалистов).

Наступившая реакция положила конец всякому оппозиционному движению в России. К 1908 г. громадное большинство анархистов оказались либо в ссылке, либо в эмиграции.

Самый влиятельный анархистский журнал послереволюционного периода -- "Буревестник" -- был основан в Париже в 1906 г. (редакторы -- Ник. Рогдаев и Максим Раевский). "Буревестник" в основном придерживался "хлебовольской" линии, хотя А.Гроссману

позволили изложить свои антисиндикалистские взгляды. В Нью-Йорке у "Буревестника" существовал про-синдикалистский двойник — "Голос Труда", основанный в 1911 г. ка орган Союза Русских Рабочих. Во время I мировой войны, после приезда в Нью-Йор М.Раевского, назначенного редактором, "Голос Труда" стал чисто анархо-синдикалистски изданием.

Несмотря на жестокие репрессии уже в 1911 году в России появились первые признаки возрождения анархистского движения. Так в Москве был создан анархистский кружок, преобразованный позднее в Московскую группу анархистов-коммунистов. Группе удалосі наладить связи с анархистами в эмиграции, а также с теми, кто остался в России. В своих воспоминаниях один из активистов МГАК В.Худолей (См. сборник "Михаилу Бакунину. 1876-1926. Очерки истории анархистского движения в России" М., "Голос Труда" 1926) пишет о том, что накануне февральской революции в Москве было около 70 анархистов, около сотни — в Петрограде, 10 в Бежецке, 5 в Туле, 3 в Орле, несколько человек в Кинешме (это лишь те, с кем им удалось установить связь). К концу 1916 г. собирался второй шторм.

ВТОРОЙ ШТОРМ

В последнюю неделю февраля 1917 г. в Петрограде начались хлебные бунты и забастовки. Толпы "черни" выплеснулись на улицы — на демонстрации против правительства. Войскам было приказано восстановить порядок, но солдаты отказывались выполнять приказы и стрелять в неуправляемую толпу, вместо этого они братались с народом. Силы закона и порядка быстро таяли. По всему городу начали образовываться Советы рабочих депутатов по типу тех, что существовали в 1905 г.

2 марта комитет Четвертой Государственной Думы объявил о создании Временного правительства, в котором преобладали либералы. В тот же день Николая II убедили отречься от престола — тем самым был положен конец трехсотлетнему правлению династии Романовых.

Самым поразительным в Февральской революции был ее стихийных характер. Это было, как писал бывший руководитель царской полиции, "исключительно стихийное явление, ни в коем случае не плод агитации партий". Никакой революционный авангард не вел рабочих и домохозяек на улицы Петрограда; политические учения и радикальные группировки моментально затерялись в этом стихийном всплеске недовольства людей, протестовавших против недостатка хлеба и беспрестанных страданий военного времени. (...)

Мечты русских анархистов, казалось, наконец, начали сбываться. Двенадцать лет спустя после "пролога" 1905 г. разразился второй шторм, несший все признаки долгожданной "социальной" революции. Русский радикализм, находившийся в упадке со времен столыпинских репрессий, быстро возродился. Когда весть о восстании достигла анархистов в эмиграции, их восхищению не было предела. "Солнце взошло, -- писал И.Рощин в Женеве, -- и рассеяло черные тучи. Русские люди пробудились! Приветствуем революционную Россию! Приветствуем борцов за счастье народа!"

Временное правительство, взявшее бразды правления в свои руки, объявило амнистию для всех политических заключенных. Рощин и его друзья в эмиграции строили планы скорейшего возвращения в Россию. В это же время в разваливающейся империи из тюрем и с каторги были освобождены Даниил Новомирский, Ольга Таратута и сотни других анархистов. (...) Незадолго до этого в различных городах России возникли крепкие анархистские группы. В Петрограде несколько анархо-коммунистических кружков, состоявших, в основном, из рабочих и интеллектуалов, возродились уже 5 лет назад, а накануне революции в них входило уже около 100 человек; анархистские группы трех крупнейших военных предприятий Петрограда -- Металлического завода (Выборгская сторона), Трубочной фабрики (Васильевский остров) и громадного Путиловского завода (юго-запад) -- приняли участие в февральских демонстрациях, повергших в прах царский режим. Анархисты несли черное знамя с вшитым на нем лозунгом "Долой власть и капитализм!". Через несколько недель после падения царизма анархистские группы и кружки усеяли рабочие районы и пригороды столицы. Наибольшая их концентрация была на Выборгской стороне (северная часть города) и на военно-морской базе Кронштадт, где к рабочим-анархистам присоединилось большое число моряков Балтийского флота.

Как и в Петрограде, в других городах анархистские организации пополнялись в основном за счет рабочих. Например, в Москве к уже существовавшим анархистским группам печатников, железнодорожников и кожевенников, добавились еще организации пищевиков и булочников.

Кстати, анархистская группа среди железнодорожников была создана во многом благодаря усилиям Казимира Ковалевича, ставшего впоследствии участником взрыва Московского комитета партии большевиков 25 сентября 1919 г. В 1917 г. и позднее он придерживался синдикалистских взглядов (это, в частности, видно из документов группы "анархистов подполья").

В марте была создана Московская Федерация Анархических Групп (МФАГ) состоявшая из более чем 70 человек. На юге анархистские ячейки были созданы на фабриках Киева, Харькова, Одессы и Екатеринослава, а в середине года шахтеры Донбасса приняли в качестве своей платформы преамбулу устава Индустриальных Рабочих мира -- американского синдикалистского профсоюза. К концу года, однако, ситуация несколько изменилась, поскольку каждый месяц из ссылок и тюрем возвращались все новые и новые

интеллектуалы.
В течение всего 1917 г. — в отличие от 1905 г., когда анархизм был силен, в основном,
на окраинах -- движение сконцентрировалось в Петрограде, переставшем быть оплотом
деспотического правительства и ставшем центром революционного шторма. К лету, когда
вернувшиеся из эмиграции синдикалисты встали на ноги, большинство анархистских групп
Красного Питера встало на анархо-коммунистические позиции. Местные анархо-
коммунистические группы вскоре объединились в Петроградскую Федерацию Анархистов. К
маю они начали выпуск своей первой газеты -- "Коммуна", которую потом сменили
"Свободная Коммуна" и "Буревестник". Целью Петроградской Федерации, как явствует из
названий газет, было превращение города в коммуну, построенную по идеализированному
образцу Парижской Коммуны 1871 г. Вместо беспорядочных убийств и налетов,
совершавшихся анархо-коммунистами-террористами предыдущего десятилетия, ПФА призывала
к систематическим "экспроприациям" более широкого масштаба, включая здания и продукты,
фабрики и фермы, шахты и железные дороги. "Через социальную революцию к анархической
коммуне" -- через революцию, призванную уничтожить правительство и собственность,
тюрьмы и казармы, деньги и прибыли, и установить безгосударственное общество с
"натуральным хозяйством". (...)
Вернувшиеся в Россию летом 1917 г. анархо-синдикалисты остро критиковали вооруженные
захваты особняков и печатных станков, проведенные их "двоюродными братьями" -- анархо-
коммунистами. Хотя они тоже настойчиво повторяли, что войне нужно положить конец, а
революция должна идти до уничтожения государства, они считали беспорядочные
экспроприации шагом назад. Первейшая задача, — говорили они, — организовать силы
труда.
К 1917 г. к анархо-синдикалистам присоединилась большая часть кропоткинской группы
"Хлеб и Воля", расколовшейся из-за оборонческой позиции своего лидера по вопросу о
войне.
Первым из известных синдикалистов вернулся из эмиграции Максим Раевский, приплывший в
мае на одном пароходе с Л.Троцким. (...)
Самыми талантливыми сотрудниками Раевского по редакции "Голоса Труда" были Владимир
Шатов и Всеволод Михайлович Эйхенбаум, известный в движении под именем Волина. (...)
В 1917 г. с помощью Анархического Красного Креста они отправились в Петроград через
весь Тихий океан, и прибыли туда в июле. Воссоединившись с Раевским, они возобновили
выпуск "Голоса Труда" в русской столице. В редакцию вошел и Александр Шапиро, видный
анархо-синдикалист, незадолго до этого вернувшийся на родину после 25-летнего
отсутствия. (...) Самому молодому члену группы "Голос Труда" Григорию Петровичу
Максимову суждено было впоследствии стать заметной фигурой в анархическом движении не
только в России, но и за рубежом. (...) Первый номер "Голоса Труда" вышел в свет в
августе 1917 г. под флагом Союза Анархо-Синдикалистской Пропаганды, созданного как
синдикалистская альтернатива анархо-коммунистической Петроградской Федерации. Летом и
осенью 1917 г. Союз распространял идеи синдикализма среди рабочих столицы. (...)

Основной целью группы "Голос Труда" была революция "антигосударственная по своим методам борьбы, синдикалистская по своему экономическому содержанию, федералистская по своим политическим задачам", революция, которая заменит централизованное государство вольной федерацией "крестьянских союзов, промышленных союзов, фабричных комитетов, контрольных комиссий и прочих подобных организаций на местах по всей стране". Хотя анархо-синдикалисты поддерживали Советы, как "единственно возможную форму беспартийной организации "революционной демократии", единственное средство для достижения децентрализации и распыления власти", самые большие свои надежды они связывали с местными фабричными комитетами. Фабричные комитеты, писал "Голос Труда", "нанесут решительный и смертельный удар капитализму", они -- "лучшая форма рабочей организации, которая когда-либо появлялась, ... ячейки будущего социалистического общества".

Фабзавкомы появились в России стихийно в результате Февральской революции. (...) С самого начала рабочие комитеты не ограничивались требованиями высокой зарплаты и сокращения рабочего дня (хотя эти требования всегда шли первыми в списке); чего они добивались помимо материальных благ, так это участия в управлении предприятиями.

Лозунг "рабочего контроля" не был придуман ни анархо-синдикалистами, ни большевиками, ни какой-либо другой радикальной группой. Скорее всего, как отмечал один меньшевистский наблюдатель, он был рожден революцией," возникнув так же стихийно, как и сами рабочие комитеты". (Однако, "рабочий контроль" был лозунгом западноевропейских синдикалистов и британских гильдейских социалистов начала века).

Партийная принадлежность оказывала незначительное влияние на стихийную тягу рабочих организовывать местные комитеты и утверждать свою роль в управлении фабриками и мастерскими. Как и синдикалистское движение во Франции, фабричные комитеты были созданием самих рабочих, принадлежавших к различным политическим партиям или ни к каким вообще. Вскоре, однако, радикально настроенных рабочих стали все больше и больше раздражать умеренные социалисты, поддерживавшие Временное правительство и его политику увековечивания войны и капиталистической системы. Свержение царского режима в феврале всколыхнуло надежды на неминуемое прекращение войны и духовное возрождение общества, надежды, которые к апрелю-маю обернулись жгучим разочарованием. Если в 1905 г. социал-демократы (меньшевики) не в меньшей степени, чем большевики были достаточно радикальны, чтобы удовлетворить почти всех рабочих, то теперь только анархисты и большевики провозглашали то, что большинство рабочих хотело услышать: "Долой войну! Долой Временное правительство! Контроль на фабриках -- рабочим!" Если, как отмечал Ленин, рядовой русский рабочий стоял в тысячу раз "левее", чем меньшевики и эсеры, в сто раз "левее" даже чем большевики (Ленин,ПСС XX-345) , то именно анархо-синдикалисты в большей степени отвечали радикальному духу рабочего движения. Но анархо-синдикалисты были не в состоянии извлечь выгоду из этого идейного родства. Они оказывали на фабричные комитеты влияние, непропорциональное своим малым размерам, но из-за того, что они не признавали централизованный партийный аппарат им никогда не

удавалось занять господствующего положения в фабзавкомах или вести за собой широкое рабочее движение. Это было предоставлено большевиками, имеевшим не только самую эффективную партийную организацию, но и сознательную волю к руководству, которая отсутствовала у синдикалистов, волю к завоеванию поддержки трудящихся сначала в фабричных комитетах, а затем в Советах и профсоюзах. Хотя Ленин полностью сознавал синдикалистскую природу фабричных комитетов и их программы рабочего контроля, он также хорошо видел их потенциальную роль в захвате его партией политической власти. Ленин рассчитывал на "взрыв и революцию, в тысячу раз более мощную, чем февральская" и для этого ему нужна была поддержка фабричных комитетов. Если он инстинктивно с подозрением относился к тому, что Бакунин и Кропоткин называли "творческим духом масс", то он все же учитывал и разрушительные человеческие способности. Поэтому в данный момент он был готов плыть вместе с бунтарским потоком, подмывавшим Временное правительство, плыть до того момента, когда большевики захватят власть, перекроют синдикалистский поток и начнут строить новый социалистический порядок. Вот почему Ленин и его партия поддержали фабзавкомы и их требования рабочего контроля в промышленности. В своей статье в "Правде" (17 мая 1917 г.) Ленин решительно поддержал лозунг рабочего контроля, провозглашая, что "рабочие должны требовать немедленной реализации рабочего контроля, на деле и без проволочек, сами рабочие" (XX -- 379). Для анархо-синдикалистов это было лишним подтверждением того, что Ленин отошел от марксистской догмы. "Большевики все дальше и дальше отходят от своих первоначальных целей, — заявлял харьковский анархо-синдикалистский журнал, -- и все время продвигаются ближе к желаниям людей. Со времени революции они решительно порвали с социал-демократией и пытаются применять анархо-синдикалистские методы борьбы".

Вот почему на рабочих конференциях, проходивших в мае-октябре, делегаты большевиков и анархо-синдикалистов голосовали в поддержку фабричных комитетов и рабочего контроля.

Основными конкурентами этого "левого блока" были меньшевики, выступавшие против передачи управления предприятиями рабочим комитетам (т.е. за государственный контроль в промышленности), оправдывая это тем, что Россия находится в "буржуазно-демократическом" периоде развития и поэтому главное, что требуется -- улучшение экономической ситуации в рамках существующего общества. Поэтому они выступали за развитие рабочего движения по профсоюзному пути.

Синдикалисты же, в свою очередь, выступали за передачу контроля над предприятиями фабричным комитетам. Опираясь на мощное движение фабзавкомов, они шли гораздо дальше. Поэтому противопоставляя фабзавкомы и рабочий контроль государственному управлению, они называли профсоюзы "порождением капиталистической системы", "живым трупом" и т.д.

Растущее влияние синдикализма на рабочих Петрограда в 1917 г. -- факт, признаваемый даже враждебными меньшевистскими наблюдателями. На новых выборах, проходившими летом и осенью, значительное число анархо-синдикалистов было избрано в фабрично-заводские

комитеты. Обычно от большого предприятия избирали дюжину большевиков, двух анархистов и может быть нескольких меньшевиков и эсеров. Максимов и Шатов из группы "Голос Труда" были в числе активных работников Центрального Совета Петроградских Фабричных Комитетов (Максимов избран в июне, Шатов -- в августе). Но кто больше всего выиграл от резкого колебания рабочего движения влево, так это большевики, которые быстро присвоили себе синдикалистскую индустриальную программу, как в октябре они присвоили себе земельную программу эсеров.

Поразительные успехи ленинской партии породили в рядах анархистов тяжелое чувство. Анархисты все больше и больше начинали сознавать необходимость большей организованности в движении, чтобы поддержка рабочих не перешла окончательно к их временным союзникам -- большевикам. Незамедлительно были созваны несколько районных и губернских конференций в надежде найти средства против страшной разобщенности, царившей в движении. В Петрограде анархистские ячейки на крупных промышленных предприятиях активизировали свою деятельность, местное отделение Союза анархо-синдикалистской пропаганды Выборгской стороны открыло рабочий клуб с целью расширить свои ряды. Московские анархо-синдикалисты, пользовавшиеся поддержкой среди булочников, печатников, железнодорожников ииии кожевенников, распространили свое влияние еще и на почтовиков и рабочих парфюмерной промышленности. На юге синдикализм укрепился среди шахтеров Донбасса, рабочих цементных предприятий и портовых грузчиков Екатеринодара и Новороссийска.

Однако в разгар этих организационных усилий в лагере анархистов наметился раскол по вопросу рабочего контроля.

Спор произошел между анархо-синдикалистами, подразумевавшими под контролем надзор, наблюдение и анархо-коммунистами, выступавшими за прямой захват предприятий и управление ими.

Большинство сторонников полной конфискации были анархо-коммунистами, они считали рабочий контроль половинчатой мерой, трусливым компромиссом с существующей системой. На одной из конференций фабрично-заводских комитетов делегат анархо-коммунистов требовал ни много ни мало "захвата фабрик и устранения буржуазии". "Контроль нас не устраивает" -- сетовал другой. "Мы должны взять производство в свои руки и конфисковать все фабрики" (...) На другой рабочей конференции этот защитник экспроприации требовал "дел, а не болтовни", а затем сам показал пример, организовав захват предприятия, на котором он работал — Шлиссельбургской пороховой фабрики. Стоит отметить, что этот рабочий, Устин Жук, в 1909 г. был приговорен к длительному сроку каторжных работ за ограбление сахарного завода под Киевом и убийство часового.

Советские историки обычно приводят Устина Жука в качестве примера плодотворного сотрудничества конструктивной части анархистского движения с большевистской

диктатурой.

Анархо-синдикалистам эти высказывания напоминали о "запальчивости" анархо-коммунистов, которая не давала возможности сотрудничать с ними десять лет назад. Гр. Максимов относил сторонников "захвата ради захвата" к дискредитировавшей себя "школе бандитизма и террора". Синдикалисты соглашались, что рабочие в конце концов должны стать хозяевами предприятий, но они выступали против немедленной конфискации пока рабочие не приобретут достаточно навыков эффективного управления предприятием. Максимов и его товарищи по редакции "Голоса Труда" требовали всеобъемлющего рабочего контроля, который охватывал бы все производственные операции -- "реального, а не фиктивного контроля" за условиями труда, наймом и увольнением рабочих, нормированием рабочего времени, зарплатой и всеми этапами производства. Только в этом случае рабочий контроль будет служить переходным периодом, во время которого работники научатся быть хозяевами своего труда. "Контрольные комиссии должны не просто выполнять функции проверки" -- говорил в своем выступлении на Всероссийской конференции фабзавкомов, проходившей накануне большевистского переворота, анархо-синдикалист из Одессы. "Они должны быть ячейками будущего общества, должны уже сейчас готовить переход производства в руки рабочих" (...)

К октябрю 1917 г. какая-либо из форм рабочего контроля существовала на большинстве предприятий России. Были даже единичные случаи, когда фабричные комитеты выгоняли предпринимателей и инженеров, а затем сами пытались управлять предприятиями, посылая делегации за сырьем, топливом и материальной помощью в рабочие комитеты и другие подобные организации. Комитеты, взявшие управление заводами в свои руки часто хвастались тем, что им удалось сохранить -- или даже поднять уровень производства. (...) Владельцы предприятий, конечно, отрицали это. Захваты предприятий фабзавкомами, утверждали они, только усиливали беспорядок, царивший в промышленности. (...) Фабзавкомы, в свою очередь, называли эти обвинения "бесстыдными попытками посеять вражду среди рабочих". Однако, на самом деле рабочий контроль (по крайней мере, в своих крайних формах) оказывал разрушительное действие на промышленность. Хотя фабзавкомам часто удавалось не допускать закрытия предприятий и увольнений, их заявления о том, что им удалось поднять объем производства были сильным преувеличением. Им приходилось сталкиваться не только в полностью разрушенной транспортной системой и чудовищным сокращением производства необходимого сырья, но и со скудным техническим и управленческим опытом, который вряд ли мог заполнить пропасть, образовавшуюся после изгнания директоров и инженеров. В результате этого некоторые фабзавкомы были вынуждены "пойти в Каноссу", как писал один большевистский профсоюзный лидер, и отдать управление предприятиями в руки ранее изгнанных управленцев. Несмотря на свои возвышенные намерения рабочий контроль порождал такую "анархию производства", что Маркс и Энгельс должно быть переворачивались в могилах. И по мере того, как революция развивалась, "анархия на фабриках продолжала расти" --

докладывал инспектор Временного правительства.

Напряженность в отношениях между трудом и капиталом быстро росла. Рабочие списывали катастрофическое состояние русской промышленности на предпринимателей, обвиняя их в том, что они развязали войну с целью получения высоких прибылей, что их близорукость и жадность довела промышленность до окончательного развала. Рабочие лидеры продолжали настаивать на том, что рабочий контроль был необходим, чтобы предотвратить закрытия предприятий и массовые увольнения. (...)

Первая мировая война и внутренняя классовая война толкали русскую экономику и Временное правительство к краю пропасти.

(Продолжение следует)

Перевод с английского М.Цовны

СОЛИДАРНОСТЬ (# 11 и 12, сентябрь 1991). Одним из итогов "путча" в Москве стал ненасильственный переход под контроль Московской организации КАС газеты Московской федерации профсоюзов "Солидарность". Главным редактором 22 августа назначен Андрей Исаев, заместителями - Влад Тупикин и Владимир Гурболиков, редактором отдела рабочего движения - Александр Шершуков. В выпуске первых двух номеров успели поучаствовать (кроме означенных выше) члены КАС Николай Соболев, Александр Шубин, Алексей Василивецкий, Константин Сумнительный, Игорь Подшивалов (Иркутск). Наконец-то московские КАСовцы по крупному дорвались! "Солидарность" - большая 16-страничная газета в две краски, выходящая два раза в месяц (с ноября - еженедельно), хотя и не является чисто анархической, представит несомненный интерес для анархо-синдикалистов и других левых. Более того, "Солидарность" - первая анархизированная газета, попавшая в подписной каталог. Индекс 50143, цена годового комплекта - 26 рублей. Тираж (пока) - 30 тысяч. Телефон: 923-46-65.

ВТОРОЙ ПРИЗЫВ

АНДРЕЙ ИСАЕВ

... анархизм – не преходящая система мысли, не модная идея, а интеллектуальное и этическое учение о наиболее разумном отношении между людьми, о справедливом устройстве жизни.

Макс Неттлау

В начале XX века в латинских и славянских странах Европы наблюдалось оживление анархических групп и течений. С того момента, как П.А.Кропоткин посадил на мель корабль федералистского Интернационала, это была, пожалуй, первая попытка пробудить от летаргического сна теорию и практику "безвластного социализма". Связана она была с явлением, которое следовало бы назвать вторым призывом к анархии. В эти годы ряды марксистских партий покидают, чтобы встать под знамена Прудона и Бакунина, многие радикально настроенные интеллигенты и рабочие. В Западной Европе этот отток связан с именами Артура Лабриолы и Жоржа Сореля и воплотился в течение так называемого "революционного синдикализма". Последние, по мнению Ленина, были посланы в качестве анархического наказания за оппортунистические грехи западной социал-демократии. О русских "отходниках от марксизма" наша публика знает куда как меньше (впрочем, как и о грехах российской социал-демократии), уход в анархизм из рядов РСДРП молодых теоретиков, особенно после поражения революции 1905 г., был достаточно массовым. Среди тех, кто повернулся "к марксизму задом, к анархизму передом" и будущий идеолог махновщины П.Аршинов, и один из идеологов сегодняшних "ультра-левых" В.К.Махайский, и будущий издатель крупнейшего эмигрантского журнала анархистов "Анархический вестник" Г.Максимов, и А.Новомирский, о котором пойдет речь в этой статье.

Вновь пришедшая "генерация второго призыва" имела за плечами "школу марксизма" (выражение Новомирского), опыт осмысления и преодоления основных доктрин научного социализма. Это был мощный теоретический потенциал, способный вытеснить и заменить дряхлеющие утопические схемы Кропоткина и кропоткианцев (Корн, Реклю, Гольдман и др.), но судьба этого поколения сложилась трагически. Преодолеть

старое оказалось не так-то легко, реализовать свой теоретический потенциал многие из них смогли только после революции, после поражения в ней анархистов. Теория возникла с опозданием, когда некому уже было воплощать ее на практике. Трагически сложились и личные судьбы этих людей. Подавляющее большинство из них либо умерли в ссылке, либо получили пулю в затылок от пришедших к власти бывших "товарищей по партии".

Но каковы же подлинные причины, побудившие всех этих довольно неглупых людей, жизнью и смертью доказавших умение хранить верность своим принципам, отвернуться от учения, которое ,как известно, "всесильное, потомучто оно верное"? Чего искали они в трудах давно разбитых "апостолов утопического социализма"?

Первым настораживающим фактором, заставившим их усомниться в правильности всесильного учения, был внутренний режим марксистских партий тех лет. Партии эти в тот момент делились на два основных типа. Партии первого типа существовали легально, участвовали в избирательных кампаниях, имели доходные предприятия и все больше приближались к положению обычных либерально-демократических организаций с некоторым "рабочим уклоном". Партии второго типа представляли собой нелегальные секты, состоявшие ,в основном, из профессиональных революционеров и тратившие значительную, если не большую часть своего полезного времени на борьбу с оппортунистами, то есть другими такими же сектами, отличавшимися от них какими-то тонкостями в определении материи.

Но оба эти типа роднили следущие признаки:

1. Партии строились на жестком централизме, в результате чего вся власть в них сосредотачивалась в руках кучки вождей и аппарата.

2. Партийная программа предписывала, что может быть только одна научная и истинно пролетарская теория - марксизм. Из единства веры вытекало и единство толкования - верным считался тот марксизм, который исповедывало партийное руководство. Все остальное объявлялось: а) ненаучным, б) непролетарским. Поскольку же никакой третьей идеологии быть не может, то все непролетарское превращалось в буржуазное или мелкобуржуазное. Таким образом, человек, " не исповедующий пролетарскую идеологию", то есть точку зрения вождей, в условиях классовой борьбы становился шпионом врага, "агентом буржуазии (мелкой буржуазии) в рабочем движении".

3. Захватившая власть в партии группировка использовала "партийную литературу" для идейного, а партийную организацию для организационного разгрома противников. Централизм в данном случае был в их руках великолепным оружием.

4. Партии много и часто рассуждали о своем пролетарском характере, но не были, по мнению вновь обращенных анархистов, пролетарскими по сути. (См. Новомирский. О классовой сущности социал-демократии.) Руководство партии состояло из платных функционеров, которые были по происхождению интеллигентами и никогда "не варились в рабочем котле". Лозунги, выдвигаемые партийным центром, часто не находили

поддержки среди большинства рабочих, противоречили их сегодняшним нуждам, поскольку нерабочее руководство рабочей партии лучше знало коренные интересы пролетариата, чем сам пролетариат. Лучше, так как черпало информацию об этих коренных интересах не столько от конкретных рабочих (они ведь могут быть подверженны мелкобуржуазным влияниям), а из животворного источника единственно научной теории, открытого Марксом и Энгельсом в середине прошлого века. В соответствии с делением интересов рабочего класса на сиюминутные (о которых знает каждый) и коренные (скрытые для непосвященных), рабочие сами делились на сознательных и несознательных. Сознательными считались те, кто единожды поверив в то, что руководство родной социал-демократической партии выражает их коренные интересы, готовы были впредь не задумываясь идти указанным курсом; несознательными считались те, кто думал о сиюминутных интересах и, как раз наоборот, демонстрировали наличие у себя сознания, проявляя такой его признак, как умение сомневаться.

Вот как охарактеризовал положение в таких партиях немецкий анархист Макс Неттлау: "Религии этого типа имеют свои исповедания веры, свои катехизисы. Социалисты такого рода клянутся своей верностью программам и имеют свои уставы партийной дисциплины. Их сторонники многочисленны, ибо они зачисляют и очень реакционно настроенных людей. Настоящие социалисты сначала попытались бы перевоспитать таких людей, освободить их от авторитарных взглядов, для авторитарных же социалистов они хороши и таковы, как они есть, ибо они могут выполнять те три требования, которые к ним предъявляются: голосовать по указке (как они голосовали всегда), платить взносы (как платили они всегда налоги) и повиноваться своим вождям (как они всегда повиновались своим вождям)." (М.Неттлау. Цели и методы анархизма.)

Разумеется, в приведенных выше оценках анархистов некоторые краски сгущаются. Кроме того было бы неправильно переносить подобные оценки на опыт всех социал-демократических партий. Партия большевиков, например, была в гораздо меньшей степени подвержена догматизму, так как меняла свои позиции в зависимости от исторической ситуации, изучала опыт других социалистических партий и умело использовала их методы и программные установки в своей практической деятельности и пропаганде. Однако, для большинства социал-демократических партий подобные процессы бюрократизации были закономерностью.

Кроме того предстоящий бой с капитализмом не казался необакунистам "последним и решающим". "За спиной побежденных капиталистов...они видели...новый господствующий класс образованных людей, директоров, управляющих и т.д." (Махайский. Цит. по П.Берлину."Апостолы Анархии".) Таким образом, наблюдение за тенденцией к срастанию государства и капитала, к усилению бюрократии во всех областях жизни общества привело их к выводу, который был сделан еще Бакуниным в начале 70-х годов XIX века, о том, что возможна смена частнособственнического

капитализма новой общественной формацией - "государственным социализмом". Причем, социал-демократические партии, собравшие в своих рядах рвущуюся к власти "красную бюрократию" (выражение Бакунина), борющуюся за огосударствление экономики и, наконец, по своей внутренней структуре воспроизводящие лучезарный мир казарменного социализма, где рабочая масса подчинена аппарату государственных функционеров, - эти партии, по мнению покинувших их анархистов, были тем субъективным фактором, который мог осчастливить человечество новой эксплуататорской формацией. "Социализм, - писал Новомирский, - оставляет государственную власть и тем сохраняет последнюю антагонистическую форму деления людей на управляющих и управляемых, правителей и подданых. Он готов наложить руку на частного капиталиста, но почтительно останавливается перед полицейским и чиновником". (Новомирский. Что такое анархизм?)

Именно ради борьбы с этим новым зарождающимся эксплуататорским классом и встали бывшие марксисты под знамена анархии. Анархистами же они стали потому, что пришли к выводу, что уничтожение эксплуатации невозможно без уничтожения власти. Еще П.Л.Лавров писал, что "социализм заключен, как известно в двух формулах: прекращение эксплуатации человека человеком, прекращение управления человека человеком". По мнению Лаврова, вторая формула сводится к первой, ибо "там, где принудительная власть человека над человеком остается неизбежным элементом общества, нет никакой возможности устранить случайные злоупотребления этой властью, а подобные злоупотребления есть уже эксплуатация человека человеком". (Лавров. Государственный элемент в будущем обществе.) Развивая эту мысль Лаврова, Новомирский писал, что эксплуататоский характер власти определяют не столько даже злоупотребления властью, сколько сама эта власть: "Политика сама по себе абсолютно пуста - ее создает только экономика. Власть сама по себе есть нонсенс, пустой звук, если она не приложена к чужому труду...Власть есть человеческая машина для эксплуатации человека. Когда говорят "власть", то это неизбежно принуждение...К чему? Конечно же к труду. Всякая власть, самая лояльная, добровольно признанная, есть кредитный билет на чужой труд. Насилие и эксплуатация выражают одно и то же явление, только в разные моменты: насилие побуждает работника к труду, а эксплуатация отнимает у него продукт труда...Высшего совершенства достигает этот аппарат в социалистическом государстве, ибо уничтожен промежуток между капиталистом и чиновником. Социалистическое государство есть поэтому самый абсолютный и неограниченный насильник и эксплуататор". (Новомирский. П.Л.Лавров на пути к анархизму.)

По-разному представляли себе необакунисты этот новый класс. Разные виделись им методы борьбы.

Махайский, например, прочил на роль будущего господствующего класса и притеснителя рабочих интеллигенцию ("капиталистов знания"). Социалистические партии виделись ему чудовищными изобретениями представителей привилегированного

умственного труда, решивших использовать рабочее стадо для захвата власти. Чиновников и интеллигентов Махайский не разделял, не видел противоречия между ними, (даже на примере своей бывшей партии, где в этот период партийные чиновники добивают остатки интеллигентского плюрализма). Интеллигенция превращалась в главного врага, а борьба с ней - в основную задачу рабочего движения. Из целей вырастали и средства - заговор необразованного темного народа против всех образованных (ну за исключением, конечно, интеллигентного Махайского и махаевцев). Как организовался бы подобный заговор в масштабах целой страны, какими темными методами руководился бы заговор "темных людей" - об этом очередной первооткрыватель "рабочего пути" умалчивал. Главное - не подпущать к этому заговору интеллигенцию, а для этого, по мнению Махайского, есть надежное отпугивающее средство - террор. И решил он так потому, что, порвав с партийной ортодоксией, остался пленником ее доктринерски-умозрительного метода. Не жизнь и опыт, а придуманная им самим наукообразная догма диктовала формы и методы борьбы. Если бы вместо того, чтобы подгонять практические выводы под каноны новой "истинно-пролетарской концепции", Махайского просто бы оглянулся по сторонам, он, конечно, заметил бы, что террор не столько пугало, сколько приманка для интеллигенции, ибо на протяжении всей истории только интеллигенция и государственная бюрократия использовала террор как постоянный метод борьбы. Как справедливо писал Новомирский "народ способен на вспышку темного, звериного гнева - на погром, но не способен к длительной организованной жестокости. Террор - эта система вечного погрома на инакомыслящих - есть создание интеллигенции". (Новомирский. П.Л.Лавров на пути ки анархизму.)

Иным путем пошел Новомирский. Убедившись в органической связи власти и эксплуатации, он с жадностью изучает труды главного кумира безвластников П.А.Кропоткина. Но местоблюститель "бакунинского престола" скоро разочаровал молодого анархиста. "У нашего дорогого старого учителя "добрые пожелания" заменяют всякий научный анализ",- с горечью констатировал Новомирский. Время между двумя русскими революциями стало для Новомирского периодом колебаний, периодом попыток найти примирение между кропоткинскими анархо-коммунистическими схемами и явно импонировавшими ему идеями анархо-синдикализма. Показательны в этом отношении названия работ Новомирского, которые вышли в эти годы буквально одна за другой: "Программа синдикального анархизма", "Манифест анархического коммунизма". Опыт Октябрьской революции определил окончательный выбор.

Федерация свободных общин несовместима с планомерным централизованным распределением, экономическим централизмом - этим неотъемлемым элементом кропоткинской системы. "Кропоткину анархизм и коммунизм кажутся неотъемлемыми один от другого. Но опыт русской революции снова ставит этот вопрос...Не правы ли Прудон и Бакунин против Кропоткина? Коммунизм был воспринят при том допущении, что современное общество достаточно богато, чтобы всех обеспечить всем и даже

необходимым досугом. Но опыт последних лет показывает, что благодаря отчаянному сопротивлению государства и буржуазии хозяйство попадает в руки народа в таком жалком состоянии, что не может быть и речи о всестороннем удовлетворении потребностей всех индивидов..., о коммунизме не может быть и речи... В настоящее время мы еще далеки от того, чтобы считать наши богатства неисчерпаемыми, а свои производительные силы сказочными... Стало быть, при относительности наших средств от полного коммунизма пришлось бы перейти к системе пайков, которая в России показала нам всю свою нелепость и расточительность". (Новомирский. П.Л.Лавров на пути к анархизму.)

Место социалистического распределения в федерации свободных коммун, по мнению Новомирского, займет товарно-денежный обмен между трудовыми коллективами-собственниками своих средств производства: "Деньги играют такую незначительную роль в капиталистическом обществе, потому что богатство - в руках отдельных капиталистов. В обществе, основанном на кооперации, деньги могут служить только мерилом ценностей и средством распределения продукта. В исполнении этих функций деньги ничем не заменимы, пока общество не придет к полному коммунизму. Желание заменить деньги натуральной оплатой труда также разумно, как замена телефона рупором. Социальная революция должна освободить работника от хозяина и чиновника - все остальное - дело длительного развития.

Выбор был сделан, но анархо-синдикалистом Новомирский не стал. Будущая федерация самоуправляющихся коллективов представлялась ему теперь необходимым, но не идеальным общественным строем. И тем более не являлась она анархией, ибо ни о каком безвластии в данном случае не могло быть и речи. Анархо-синдикализм оказался тем мостиком, который от разговоров о демократии перевел нас к реальной демократии - не власти "народных представителей", а власти самого народа. Но это была все-таки ВЛАСТЬ - власть большинства над меньшинством, власть общества над личностью. А там, где власть - там ущемление и ограничение интересов одних людей в пользу других. При всем том огромном скачке, который делал анархо-синдикализм, он не снимал противоречий. А значит ставил перед последовательными анархистами вопрос о продолжении борьбы. Вот, что писал об этом сам Новомирский: "Анархическое отрицание власти заключает в себе три элемента, соответствующие трем этапам борьбы за полное освобождение человеческой личности: 1) анархизм вместе с революционным социализмом борется против современного государства и буржуазии; 2) этап борьбы рабочего сообщества против собственной бюрократии, во имя социализма овладевшей госаппаратом; 3) человеческая личность, свергнув власть буржуазии и коммунистической бюрократии, оказывается лицом к лицу с новым тираном - многоголосым и безликим обществом, которое ставит себе задачу подвести все живое под общий знаменатель". (Цит.соч.) Тот политический идеал, который себе рисовали себе сторонники Бакунина, грамотнее было бы назвать не анархизмом, а безгосударственным социализмом. Анархизм в новом восприятии становится не

(далее см. стр. 34)

РЕЗОЛЮЦИИ 4 СЪЕЗДА КАС

"О МЕЖДУНАРОДНОМ ЛЕВОМ ДВИЖЕНИИ"

1. Конфедерация Анархо-синдикалистов рассматривает себя, как часть международного движения анархо-синдикалистов, революционных синдикалистов, либертарных социалистов и независимых борющихся рабочих организаций за интересы трудящихся, свободу и самоуправление. В специфических условиях разваливающегося советского тоталитаризма мы участвуем в общей борьбе проив произвола буржуазных и коммунистических государств, их попыток сохранить нынешний международный порядок, основанный на бесчеловечной эксплуатации целых классов и территорий, разграблении природных ресурсов и разрушении окружающей среды.

КАС с сожалением констатирует, что сегодня левые силы на Западе и Востоке расколоты и ослаблены взаимным противоборством. Интересы общей борьбы за альтернативу нынешнему эксплуататорскому и бюрократическому мировому порядку требуют объединения усилий всех левых, подлинно демократических течений в рабочем движении, всех независимых борющихся профессиональных союзов; воссоздания открытого Интернационала трудящихся, построенного на принципах классовой солидарности и независимости входящих в него национальных организаций.

КАС считает, что сегодня она не может присоединится ни к одной из существующих международных политических и синдикалистских организаций трудящихся, включая Международное товарищество рабочих, поскольку подобный шаг мог бы лишь углубить раскол и противостояние между синдикалистскими организациями.

Мы полагаем, что необходимо укреплять контакты со всеми анархо-синдикалистскими, революционными синдикалистскими и либертарно-социалистическими организациями, как входящими в МТР, так и не участвующими в его работе, а так же содействовать установлению тесных связей между возрождающимися в СССР свободными профсоюзами и боевыми, классовыми профсоюзами на Западе, имеющими демократическую структуру и не интегрированными в буржуазную партийно-государственную систему. Укрепляя эти связи мы содействуем восстановлению Интернационала трудящихся.

В то же время КАС констатирует, что не рассматривает в качестве левой силы неосталинистские коммунистические партии и профсоюзы. Именно на них лежит ответственность за дискредитацию и раскол левого движения. обслуживая интересы коммунистической бюрократии они долгое время выступали в качестве одного из столпов "международного разделения труда" между сталинистами и империалистами. Политическая смерть и презрение трудящихся - заслуженный итог их работы. Ни о каком союзе и даже временных блоках с этими силами не может быть и речи. Их политическая смерть сегодня

не может быть и речи. Их политическая смерть сегодня – необходимое условие возрождения левого движения завтра.

КАС так же отмечает, что не может рассматривать в качестве левой силы руководство социал-демократических партий. Полвсеместно, утратив даже оттенок левизны они превратились в нормальный механизм буржуазно-бюрократической машины. Политика, проводима Социнтерном и Международной Конфедерацией Свободных Профсоюзов в отношении Советского Союза и Восточной Европы – есть политика интеграции неосталинистской партийной и профсоюзной номенклатуры в международную систему государственных партий и профсоюзов. Поддерживая старые советские профсоюзы, МКСП тем самым ведет борьбу против независимого рабочего движения в СССР. Поэтому КАС намерена противодействовать антирабочей восточной политике Социнтерна, но в то же время выступает за установлекние контактов с левыми группами внутри социал-демократических и лейбористских партий, с подлинно независимыми профсоюзами внутри МКСП. Их выход из под влияния руководства СИ и МКСП, оформление в качестве самостоятельной силы мы рассматриваем как важный шаг на пути восстановления интернационального левого движения.

2. IV съезд КАС констатирует, что в условиях разрушения потсдамско-хельсинской системы мирового порядка и надвигающегося мирового экономического кризиса, который уже проявился в стагнации на Западе и полном развале и хаосе на Востоке, необычайно возрастает агрессивность ведущих государств, их стремление силой навязывать свою волю малым народам. Это наглядно продемонстрировала смертельная схватка двух монстров во время конфликта в Кувейте, от которой более всего пострадали ни в чем ни повинные люди. Это иллюстрирует и раскольническая, заговорщическая политика ныне правящего класса в СССР в республиках Прибалтики, Закавказья и Молдавии.

В этих условиях необычайно возрастает угроза войны, которые ведущие государства могут развязать как совместную карательную экспедицию против бывших колоний.

КАС, руководствуясь нравственными, идейными и экологическими мотивами категорически выступает против любых военных конфликтов и рассматривает себя как часть антимилитаристского движения.

О РАБОТЕ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ ДВИЖЕНИИ

С первых дней своего существования КАС пропагандировала идею независимого профдвижения. При этом под профсоюзным движением понималось не только деятельность в среде промышленных рабочих, но и другие формы профессиональных объединений лиц наемного труда, занятых как физической так и интеллектуальной работой.

Однако опыт показал, что именно рабочее движение способно выступить в роли катализатора возникновения независимых профсоюзов, превращения их в общественно значимую силу.

На первом этапе своей деятельности КАСдостаточно успешно выполнял функции федерации идеологических групп, ведущих агитацию за создание независимых от государства и партий, профобъединений трудящихся.

С середины 1990 года на арену социально-экономической и политической борьбы вступило достаточно массовое и организованное рабочее движение. В деятельности же большинства местных организаций КАС существенных перемен не произошло. Они во многом продолжают оставаться изолированными от массового движения трудящихся агитационными группами.

Для вовлечения всех КАСовских организаций в профдвижение необходимо в самое ближайшее время

1) местным организациям КАС начать работу над созданием над созданием информцентров, ставящих своей целью оказание методической помощи рабочим движениям и профсоюзным организациям;

2) ускорить процесс включения местных организаций в деятельность Конфедерации труда, а также оформление в ее рамках левоориентированного блока организаций трудящихся и с этой целью принять участие в совместной конференции рабочих движений и профсоюзных организаций (июнь, 1991 г., Ленинград);

3) организовать и провести курсы профсоюзного активиста (август, 1991, Запорожье).

Только активное включение местных организаций КАС в практическую работу сможет вывести анархо-синдикализм на столбовую дорогу профсоюзного и рабочего движения.

ОБЗОР АНАРХИЧЕСКОЙ ПРЕССЫ

НОВЫЙ СВЕТ (#6, август, #7, сентябрь) Читатель, которому посчастливится достать ЭТО, несомненно, не останется равнодушным. А поскольку реакцию на это предсказать, как мне кажется, невозможно, то от комментариев воздержусь. О том, что можно найти в "НС". Главное это, конечно, кроссворды, песни и документы (начиная от "кредо" маргинально-анархических контр-инициатив до Указа Ночного комитета по управлению г.Ленинградом в ночное время). Кроме того статьи и эссе с говорящими за себя названиями: "О пользе пиратства и вреде законов", "Инструкция к революции", "Баррикады в открытом городе". О позиции питерской секции АДА можно судить по заметке "Время менять имена" А.Щербакова и "Играм против КГБ" Петра Александровича. Адрес редакции: 190068 г.Питер, а.я.467.

ВЕЛИКИЙ ОТКАЗ (N 1,2). Антиобщественно-аполитичный журнал, Москва.

Журнал, широко известный узкому кругу читателей, который несмотря на небольшой тираж и откровенно доисторическое техническое исполнение уже успел наделать шуму (насколько это возможно для журнала с тиражом 20 экземпляров) и приобрести как друзей, так и ярких противников. Хотя издается он анархистами П.Рябовым и Дм.Костенко, к анархизму непосредственного отношения не имеет, поскольку освещает идеи и деятельность более широкого движения - "новых левых". Однако, не будучи откровенно анархистским по содержанию, безусловно является таковым по сути и верно служит делу распространения идей свободы личности. Возможно в ближайшее время технические возможности редакции будут лучше и с журналом сможет ознакомиться более широкий круг читателей.

N 1. Октябрь 1990 г. (23 стр., с фотографиями)

ОБЗОР АНАРХИЧЕСКОЙ ПРЕССЫ

ВЕЛИКИЙ ОТКАЗ

NEW LEFT

Особенно пристального внимания заслуживает редакционная статья "Несколько слов против здравого смысла", а также рассказ о событиях "того поющего и зовущего яркого мая" 1968 г. в Париже. Чудесная перепечатка Чезаре Ламброзо "Анархизм с точки зрения криминальной психологии" (точнее - френологии). Статья Дм.Костенко "Чьим могильщиком и чьим авангардом является рабочий класс" - несколько неровная, что ,однако, не умаляет ее значения как первой попытки наших неосиндикалистов подойти к проблеме социальной базы анархизма. Ну и кроме того, конек "Великого отказа" - оранжевые акции (и черный юмор).

N 2, апрель 1991 г. (40 стр. с фотографиями)

Центральную часть этого номера занимают вопросы пола. "Что такое феминизм и стоит ли с ним бороться" П.Рябова и "Теории сексуальной революции: Фрейд, Райх, Маркузе" Дм.Костенко безусловно будут полезны советскому читателю, которого вот уже несколько лет воспитывают брошюрками типа "Как стать сексуальной женщиной".

Юмор (черный), акции (оранжевые), неплохая поэтическая подборка, Чарльз Рейч о человеке в бесчеловечном обществе, малоизвестные страницы контркультурного движения (ЦРУ, питерские диссиденты, московский ДС, перуанские ультралевые). Рекомендуемое чтение (для тех, кто имеет возможность достать этот журнал).

ОБЗОР АНАРХИЧЕСКОЙ ПРЕССЫ

ЧЕРНАЯ ЗВЕЗДА /#1/ В Москве начала выходить газета Инициативы Революционных Анархистов (ИРЕАН) - либертарно-коммунистической группы, созданной в марте этого года. В первом номере публикуются ее манифест, а также материалы, посвященные юбилеям, отмечавшимся в этом году - 70-летию Кронштадтской и 120-летию Парижской Коммун, информация о создании Анархического Молодежного Фронта и Лиги Федералистов в Москве, любопытная статья о проблемах СПИДа и спидофобии. Объем - 4 стр. формата А4. Адрес редакции: 105215 Москва, до востребования Дмитрию Костенко. Телефон в Москве 963-78-61 (Вадим).

АРТЕЛЬ /#0, июль 1991/ В Хабаровске активистами местной группы КАС выпущен пробный номер газеты, которая со временем, надеемся, станет подлинно независимой рабочей газетой Дальнего Востока. В номере опубликованы материалы, направленные против "построения развитого капитализма" в нашей стране, хроника рабочего и забастовочного движения /по материалам КАС-КОР/ и др. Адрес редакции: 680000 Хабаровск, Главпочтамт, до востребования Блажевичу В.В. В связи с отсутствием необходимых для выпуска газеты денег редакция принимает добровольные пожертвования, которые можно направлять по указанному адресу.

НЕСТОР-дайджест, N 1, август 1991 г.
Наши неугомонные (уж не знаю как их и назвать) выпустили собрание своих лучших сочинений за первые полгода существования. Рекомендуемое чтение для ультра-левых троцкистов и маоистов, а также для любителей оранжевых акций.

ГОЛОС АНАРХИЗМА, N 7, июль 1991 г. (Вестник Московского Союза Анархистов).
Тоже никак не успокоятся. Гвоздь номера - "Ответ комсе из КАС", каковой как выяснилось являются социалист-народник Я.Леонтьев и анархо-коммунист В.Дамье. Заслуживает внимания также программа МСА (13 строк) и опубликованная - разумеется, без ссылки на источник - листовка НТС "Как печатать листовки". Простая, как "Правда" статья печально известного "А.Нарвского" о "полной политической и гражданской свободе".

ПУТЬ К СВОБОДЕ, N 3.
Еще одно из изданий МСА. Как всегда, много, мягко говоря, заимствований. Перепечатана брошюра Ф.Верстюка "Комбриг Нестор Махно", опубликованная в прошлом году (по договоренности с автором) харьковской КАС.

ОБЗОР АНАРХИЧЕСКОЙ ПРЕССЫ

ЧЕГО ХОЧЕТ ИРЕАН

Инициатива Революционных Анархистов /ИРЕАН/ объединяет людей, стремящихся к полному освобождению человеческой личности от любого внешнего диктата и авторитарного принуждения, к ликвидации всякой эксплуатации и господства человека над природой и другими людьми.

Наша цель – либертарное /вольное/ коммунистическое /коммунитарное/ общество, федерация свободных самоуправляющихся коммун, производственных, потребительских и функциональных ассоциаций, в основе которых лежат свободное соглашение и солидарная взаимная помощь. Только такое социальное устройство может обеспечить свободу и самоопределение человека, вольную жизнь по принципу: от каждого по его способностям, каждому по его потребностям.

Для достижения этой цели мы считаем необходимым перейти к общественному обладанию всеми богатствами, уничтожить собственность, разрушить государство с его институтами, органами, законами, налогами, полициями и армиями. Такая глубочайшая общественная революция не может быть осуществлена сверху, путем насильственного или мирного захвата власти, решением парламентов или правительства, ибо результатом подобного переворота станет лишь замена одного вида господства другим. Только самоорганизация масс в труде /на производстве/ и в свободное время, параллельно существующему обществу эксплуатации и государству и в борьбе с ними – путь к освобождению человека.

Мы провозглашаем нашими принципами антиэтатизм, антикапитализм, антимилитаризм и интернационализм. Это означает решительный отказ от государства и государственничества, непримиримую оппозицию против всех его органов и институтов. Мы отвергаем систему государственного капитализма с его бюрократическим централистским руководством, диктатом и планированием сверху. Но одновременно мы против подчинения человека внешним экономическим законам рынка, против частного капитализма и частного предпринимательства. Все должно принадлежать всем. Наемный труд во всех его видах должен быть уничтожен. Мы добиваемся также ликвидации орудий и непременных спутников господства и капитала – милитаризма, постоянных армий и войн. Мы отвергаем границы и национализм – идеологию современных государств и правящих классов – и стремимся к созданию в

будущем всемирной конфедерации автономных либертарных коммун.

Средствами достижения наших целей мы считаем самоорганизацию и прямое действие: создание территориального /в кварталах, микрорайонах, районах, городах/ и производственного /синдикального/ самоуправления народа, захват фабрик и заводов трудящимися, домов - жителями и бездомными, акции бойкота и саботажа, забастовки - вплоть до активной всеобщей оккупационной стачки, которая должна будет разрушить собственность и государство и передать всю общественную жизнь в руки самоуправляющихся коммун и ассоциаций. Функции ИРЕАН - не в руководстве этими народными движениями, а в том, чтобы содействовать самоорганизации людей, поддерживать их революционные настроения и боевой дух. С этой целью мы организуем символические прямые акции и ведем пропагандистскую работу.

ИРЕАН отвергает централистские формы организации, не претендует на руководство либертарным движением страны. Мы призываем все анархические группы и индивидов к сотрудничеству для создания Федерации Революционных Анархистов /ФРАН/. Одновременно мы намерены вести борьбу за сплочение всех леворелюционных сил, отвергающих государственническую и частнокапиталистическую переспективу и выступающих за самоуправляющуюся альтернативу.

Без анархии нет свободы!

5 марта 1991 г.

ОБЗОР АНАРХИЧЕСКОЙ ПРЕССЫ

ЧЕРНОЕ ЗНАМЯ (#1, сентябрь). В эпоху "глобального кризиса" анархической печати в нашей стране более, чем приятно сообщить о возрождении этой газеты. Благодаря стараниям Виктора Щепотова, полиграфическое исполнение ее значительно улучшилось, а круг авторов расширился. В номере публикуются материалы, посвященные августовской победе "демократии", забастовке на Люблинском литейно-механическом заводе (Москва), документы британской секции Международного Товарищества Рабочих, Анархического Черного Креста, а также статьи о ренегатстве харьковской группы КАС и преследованиях московских панков-анархистов Родионова и Кузнецова. Тираж 5000 экз. Печать офсетная, номер иллюстрирован фотографиями.

г. Петроград
198303
А/Я 188
В. Щепотову

МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ

БАКУНИН

АЛЕКСАНДР БЛОК

Тридцать лет прошло со смерти "апостола анархии" - Бакунина. Тридцать лет шеренга чиновников в черных сюртуках старалась заслонить от наших взоров тот костер, на котором сам он сжег свою жизнь. Костер был сложен из сырых поленьев, проплывших по многоводным русским рекам; трещали и плакали поленья, и дым шел коромыслом; наконец взвился огонь, и чиновники сами заплакали, стали плясать и корчиться: греть нечего, остались только кожа да кости, да и сгореть бояться. Чиновники плюются и корчатся, а мы читаем Бакунина и слушаем свист огня.

Имя "Бакунин" - не потухающий, может быть еще не распылавшийся, костер. Страстные споры вокруг этого костра - да будут они так же пламенны и высоки, чтобы сгорела мелкая рознь! Бедная литература о Бакунине растет: в первый же год "свободы" вышло уже пять отдельных книжек; правда, пока больше охаживают Бакунина, процеживают классические слова Герцена о нем (1), а "полного собрания" еще долго ждать. Из трех очерков о Бакунине , вышедших в этом году, наиболее яркое впечатление производит очерк г.Андерсона ("Борцы освободительного движения. М.А.Бакунин", СПб.). Автор сумел отметить то вечное, что очищает и облагораживает всякий запыленный факт, поднимает его на воздух, предавая его солнечным лучам. Очерк Андерсона написан литературнее двух других. Драгоманов (2) - серьезный исследователь, известный знаток Бакунина, - и не задавался, впрочем, общими целями; он рассматривает Бакунина как политического деятеля по преимуществу. Третий автор, г.Кульчицкий ("М.А.Бакунин, его идеи и деятельность", СПб.) (3), пишет отрывочно, политиканствует и кое о чем умалчивает, считая Бакунина "прежде всего - человеком дела".

Бакунин - одно из замечательнейших распутий русской жизни. Кажется, только она одна способна огорашивать мир такими произведениями. Целая туча острейших противоречий громоздится в одной душе: "волна и камень, стихи и проза, лед и пламень" - из всего этого Бакунину не хватало разве стихов - в смысле гармонии; он и не пел никогда, а, если можно так выразиться, вопил на всю Европу, или "ревел, как белуга", грандиозно и безобразно, чисто по-русски. Сидела в нем какая-то пьяная бесшабашность русских кабаков: способный к деятельности самой кипучей, к предприятиям, которые могут привидеться разве во сне или за чтением Купера, - Бакунин был вместе с тем ленивый и сырой человек - вечно в поту, с огромным телом, с львиной гривой, с припухшими веками, похожими на собачьи, как часто бывает у русских дворян. В нем уживалась доброта и крайне неудобная в общежитии широта отношений к денежной собственности друзей - с

глубоким и холодным эгоизмом. Как будто струсив перед пустой дуэлью (с им же оскорбленным Катковым (4)), Бакунин немедленно поставил на карту все: жизнь свою и жизнь сотен людей, Дрезденскую Мадонну и случайную жену, дружбу и доверие доброго губернатора (5) и матушку Россию, прикидывая к ней все окраины и все славянские земли. Только гениальный забулдыга мог так шутить и играть с огнем. Подняв своими руками восстания в Праге и Дрездене, Бакунин просидел девять лет в тюрьмах - немецких, австрийских и русских, месяцами был прикован цепью к стене, бежал из сибирской ссылки и, объехав весь земной шар в качестве - сначала узника, потом - ссыльного и, наконец, - торжествующего беглеца, остановился недалеко от исходного пункта своего путешествия - в Лондоне.

Здесь, с первых же дней, с энергией ничуть не ослабевшей, Бакунин стал действовать в прежнем направлении. Кто только не знал его и не отдавал ему должного! Все, начиная с императора Николая, который сказал о нем: "Он умный и хороший малый, но опасный человек, его надобно держать взаперти", (6) - и до какого-то захудалого итальянского мужика, который не разлучался с ним в последние годы и прятал шестидесятилетнего анархиста в сено после неудачного Болонского восстания. (7)

О Бакунине можно писать сказку. Его личность окружена невылазными анекдотами, легендами, сценами, уморительными, трогательными или драматическими. Есть случаи из Рокамболя и Дюма, например история снаряжения корабля с оружием для Польши - утлой посудины с командой из каких-то добровольных головорезов, польских офицеров, солдат всех национальностей - до кафров и малайцев включительно, - доктора, типографа и двух аптекарей. Интересно, что в участи своей посудины Бакунину удалось заинтересовать брата шведского короля, шведских министров и влиятельных лиц; и вся-таки дело кончилось ничем: всеславянский Арго оказался старой калошей и был растрепан шквалом, напрасно стараясь приткнуться то к немецким, то к шведским берегам. Половина команды пошла ко дну, а оружие забрал шведский фрегат. (9)

Писал Бакунин много, но большей части своих писаний не кончил; они и до сих пор в рукописях. Бакунин противоречил себе постоянно, но, конечно, "без злого умысла". То же хочется думать о "сомнительных" поступках его, около которых спорят и горячатся, склоняясь то к осуждению, то к оправданию. Если Катков, близко зная Бакунина, не мог быть хладнокровным и отказывал ему даже в искренности, (9) - то мы, уж наверное, можем забыть мелкие факты этой жизни во имя ее искупительного огня. Да и человек Бакунин был не житейский, - и это не всегда в похвалу ему: то, что доставляло легкие средства освобождения от всякого комфорта, тормозящего деятельность, - тоже приводило к схеме и отвлеченности; отвлеченность вела к противоречиям, давала возможность наскоро соединять несоединимое.

Искать Бога и отрицать его; быть отчаянным "нигилистом" и верить в свою деятельность так, как верили, вероятно, Александр Македонский или Наполеон; презирать все установившиеся порядки, начиная от государственного строя и общественных укладов и кончая крышей собственного жилища, пищей, одеждой, сном, - все это было для Бакунина

не словом, а делом. Как ни странно, - образ его чем-то напоминает образ Владимира Соловьева.(10) Удивительно, что это сходство постирается еще дальше - куда-то вглубь семьи. Мне приходилось слышать немало семейных воспоминаний о Соловьеве и Бакунине; в тех и других звучит одна, быть может, музыка - музыка старых русских семей, совсем умолкающая теперь в молодых рамоликах и брюзжащих дегенератах.

Можно ли брать с Бакунина пример для жизни? Конечно, нет. Нет, потому одному, что такие люди только родятся. Такая необычайная последовательность и гармония противоречий не даются никакими упражнениями. Но эта "синтетичность" все-таки как-то дразнит наши половинчатые, расколотые души. Их раскололо то сознание, которого не было у Бакунина. Он над гегелевской тезой и антитезой возвел скоропалительный, но великолепный синтез, великолепный потому, что им он жил, мыслил, страдал, творил. Перед нами - новое море "тез" и "антитез". Займем огня у Бакунина! Только в огне расплавится скорбь, только молнией разрешится буря: "Воздух полон, чреват бурями! и потому мы зовем наших ослепленных братьев: покайтеся, покайтеся, царство Божие близко! - Мы говорим позитивистам: откройте ваши духовные глаза, оставьте мертвым хоронить своих мертвецов и убедитесь наконец, что духа, вечно юного, вечно новорожденного, нечего искать в упавших развалинах ... Позвольте же нам довериться вечному духу, который только потому разрушает и уничтожает, что он есть неисчерпаемый и вечно творящий источник всякой жизни. Страсть к разрушению есть вместе и творческая страсть".(11)

Это говорит молодой Бакунин, но то же повторит и старый. Вот почему имя его смотрит на нас из истории рядом с многошумными именами. Хорошо узнать Бакунина, страстно и пристально взглянуть в его глаза, на лицо, успокоенное только смертью: бури изборздили его. "Бакунин во многом виноват и грешен, - писал Белинский, - но в нем есть нечто, что перевешивает все его недостатки, - это вечно движущее начало, лежащее в глубине его духа". Переведем эти старые, "гуманные" слова на вечно новый язык. Скажем: огонь.

Октябрь 1906

"ПЕРЕВАЛ", 1907, #4 (февраль)

КОММЕНТАРИИ.

(1) В книгах о Бакунине, упоминаемых Блоком, часто приводились слова Герцена о Бакунине из дневника 1842 г. (март): "Меня, если б знали во всех изгибах, поставили бы, может, на одну доску с Бакуниным, т.е. талант и дрянной характер". Подробную характеристику Бакунина см.:
А.И.Герцен. Былое и думы, ч.VII, гл.IV.

(2) М.П.Драгоманов. Михаил Александрович Бакунин. Критико-биографический очерк. Казань, 1905.

(3) См.: Л.Кульчицкий. М.А.Бакунин, его идеи и деятельность. СПб., 1906(?), с.5.

(4) Катков обвинил Бакунина в распространении о нем сплетни. Вызвав Каткова на дуэль, Бакунин предложил провести ее за границей, ссылаясь на строгость русских законов.

(5) Блок имеет ввиду следующие события из жизни Бакунина. Во время Дрезденского восстания (1849) Бакунин предложил выставить на баррикадах шедевры Дрезденской галереи, полагая, что прусские войска остерегутся стрелять по ним из "эстетических" соображений. Бакунин, нарушив слово, данное им своему родственнику, генерал-губернатору Муравьеву, бежал из Иркутска (1861) через Японию в Америку, оставив в Иркутске свою жену. (От редакции. Насколько нам известно не существует документального подтверждения того, что Бакунин действительно предлагал выставить произведения искусства на баррикады.)

(6) См.: А.И.Герцен, там же.

(7) См.: В.М.Андерсон. Борцы освободительного движения. М.А.Бакунин. СПб.1906, с.55.

(8) См.:А.И.Герцен, там же.

(9) Блок имеет ввиду статью М.Н.Каткова, которую цитирует В.М.Андерсон в своей книге, с.19-20.

(10) В.Соловьев не интересовался бытом, вел неупорядоченный образ жизни.

(11) Блок цитирует статью Бакунина "О реакции в Германии" (вероятно по книге М.Драгоманова), которая заставила Белинского изменить свою точку зрения на Бакунина, о чем он и писал Н.А.Бакунину в приводимом ниже Блоком письме от 7 ноября 1842 г.

политическим, а скорее философским учением о перманентной борьбе за освобождение человеческой личности. Бессмысленно создавать "анархические партии", ибо последовательный анархизм не приемлет принципов партийной власти. Дело анархистов - участвуя в работе наиболее передовых революционно-социалистических партий бороться за то, чтобы избранные ими средства не противоречили основной цели - освобождению человеческой личности. Нет ничего вреднее в этой борьбе, чем перескакивание через этапы, самообман и стремление сразу достичь идеальных результатов. На очереди - этап борьбы за безгосударственный социализм, где федерация вытеснит централизм, а собственность коллективов трудящихся - государственную и частную собственность. Это отнюдь не будет анархический рай, но это будет еще один шаг на пути к полному освобождению человека. Таков конечный вывод, итог исканий Новомирского.

АНАРХИСТСКИЙ МАНИФЕСТ

Алексей БОРОВОЙ

Революция и свобода всегда рождались в крови и страданиях.

На заре их падают жертвы - герои, борцы, творящие новое и наследники старого, с отчаянием его защищающие.

Но не надо, чтобы жертвы падали даром. Перед нами гигантская работа, такая, какой еще не знало человечество.

Надо переустроить целую страну, расшатанную развратом старого порядка, войной и опытами "сверху" разных партий. И в переустройство это нести не старую рутину, не затхлое и догматическое профессиональных изобретателей человеческого счастья, но новое, творческое, взятое непосредственно из жизни, отвечающее устремлениям и интересам тех людей, которыми и для которых совершался переворот.

Пора покончить с любой опекой, хотя бы и самой благожелательной! Пора покончить с представительством, кто бы ни был представителем! Каждый должен взять "свое" дело в "свои" руки!

К этому зовет нас анархизм!

Анархизм - учение жизни! Анархизм родится с каждым человеком и живет в каждом из нас, но задавлен - нищетой, робостью, лакейством пред людьми и пред теориями, привычками к насилию и развратной жизни. И нужны - смелость, просветление, жажда подвига, чтобы в каждом - и большом и малом - проснулся анархизм.

Анархизм - учение свободы! Не отвлеченной, призрачной свободы, но жизненной, реальной... В основе всех построений анархизма - свободный человек, свободный от гнета учреждений, от власти законов, которые для него придумали другие. Но свобода анархиста есть свобода всех. Раз есть раб, он - несвободен. Анархист должен бороться до тех пор, пока не будут свободны все. Нет идолов для анархизма, нет ничего абсолютного, кроме самого человека, его свободы, его прав на безграничное развитие. Каков бы ни был общественный порядок, анархист всегда будет стремиться дальше, к новому, более совершенному, полнее и чище говорящему его анархической совести.

Анархизм - учение равных! Все - равны в свободе. Каждый - творец своего дела. И сфера личной его свободы - неприкосновенна.

Анархизм - учение культуры! Ибо анархизм зовет не к разрушению, но преодолению культуры. Не к бессмысленному разгрому и расхищению достояния народного, но бережному хранению ценностей, в которых заключены творческие достижения человека, которые - необходимы, как средство к последовательному, непрерывному нашему освобождению. Анархизм - наследник всех прошлых освободительных стремлений человека и несет ответственность за их сохранность.

Анархизм - учение любви! Ибо он учит любить не себя только и свою свободу, но каждого и всех. Он зовет к подвигу, зовет к великому делу, чтобы плоды его собрали не только наши современники, но и будущие, далекие от нас братья. Он зовет к борьбе, разрушению насильнической системы, но не к мести и бессмысленным самосудам против отдельных лиц.

Анархизм - учение радости! Ибо он верит в человека, верит в его неограниченные возможности, верит, что своим подвигом связует все времена и всех людей. Так родится радость творца - величайшая из возможных для человека радостей!

Москва, 1918 г.

СКАЗКА О ДВУХ КОРОВАХ

КОММУНИЗМ - У вас есть две коровы; правительство забирает обеих и выдает вам молоко.

ФАШИЗМ - У вас есть две коровы; правительство забирает обеих и продает вам молоко.

БЮРОКРАТИЯ - У вас есть две коровы; правительство забирает обеих, расстреливает одну из них, доит вторую, а молоко спускает в канализацию.

КАПИТАЛИЗМ - У вас есть две коровы; вы продаете одну из них и покупаете быка.

АНАРХИЗМ - корова сама дает вам немного молока, а в остальное время и вы, и она делаете, что хотите.